

ОГО НЕКЪ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 5

Суббота 1 (14) февраля 1903 г.

№ 5

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

(Свадьба Наполеона III).

29 января 1853 года навсегда останется знаменательнымъ днемъ въ исторіи династии Бонапартовъ. Шарль-Луи-Наполеонъ, императоръ французовъ, Наполеонъ III, подвѣлъ къ алтарю графиню Евгенію-Марію Монтихо (Гуцмагъ-Тоба-Мора-Баносъ-Фернандецъ - Кордова - Лепра - Лакуне). Этотъ бракъ „авантюриста“ съ „авантюристкой“ заставилъ всю Европу изумиться; вѣдь не прошло еще двухъ мѣсяцевъ со времени разыграннаго имъ государственнаго переворота.

Наполеонъ добился императорскаго титула и, послѣ долгихъ томительныхъ переговоровъ съ иностранными дворами, — римской цифры III, вопреки пророчеству Гентца: „Наполеона называетъ первымъ только то меньшинство, которое вѣрится еще во второго Наполеона“. По примѣру великаго дяди, онъ рѣшилъ упрочить свое положеніе подходящимъ бракомъ.

Какъ извѣстно, его попытки въ этомъ направленіи окончились неудачами. Иные дворы не могли выставить соответствующую кандидатку, иные не хотѣли родиться съ неиспеченымъ императоромъ. Но возстаповленная династія Бонапартовъ должна была имѣть прямого наследника, и Наполеону оставалось лишь снизить до такъ называемаго „мезальяна“ Онь придалъ своему браку съ Монтихо романтическую окраску, чтобы привлечь симпатіи французскаго народа, говорить о любви къ ней, ссылаясь на Жозефину Богарне, которая не происходила изъ королевскаго рода, но сумѣла дать счастье своей родинѣ; онъ напомнилъ и о томъ, что какъ по воспитанію, такъ и по заслугамъ отца, сражавшагося за Францію, по чув-

ствамъ и мыслямъ, Монтихо истая французенка; но, будучи въ то же время испанскаго происхожденія, она не имѣетъ во Франціи родственныхъ связей, и это очень важно.

22 января Наполеонъ обратился съ рѣчью къ государственному совѣту и президенту законодательнаго корпуса. Она отчасти напоминала о баснѣ про лису и виноградъ. „Семьи монарховъ не примутъ въ свой кругъ того, кто сравнится съ ними на основаніи „новаго принципа“, пытался бы во что бы то ни стало войти въ этотъ кругъ. Но они допустятъ его, если онъ явится къ нимъ въ качествѣ

новоизбранника — славный титулъ, дарованный великой націей посредствомъ свободнаго голосованія“. Незадолго передъ тѣмъ въ „Moniteur“ появилось официальное сообщеніе о помолвкѣ императора. Не безынтересно привести его въ подлинникъ:

„Un événement heureux destiné à consolider le gouvernement de Sa Majesté Impériale et à assurer l'avenir de la dynastie est sur le point de s'accomplir. L'Empereur épouse mademoiselle de Montijo, comtesse de Teba. Le mariage doit être annoncé officiellement, aux grands corps de l'Etat, samedi prochain 22. La célébration aura lieu le samedi suivant 29. Mademoiselle de Montijo, d'une très grande famille d'Espagne, est soeur de la duchesse d'Alba. Elle est aussi distinguée par la supériorité de son esprit, que par les charmes d'une beauté accomplie“.

Только въ низшихъ слояхъ французскаго населенія не проявилось извѣстнаго неудовольствія по поводу выбора императора. Третье сословіе проявило сдержанность. Родовая же аристократія глумилась надъ возведеніемъ испанской, значить, иностранной, графини на императорскій престолъ; тѣмъ болѣе, что мать этой графини пользовалась далеко не безупречною репутациею. Молодость этой дамы прошла довольно бурно. Ея бракъ съ дономъ Іоахимомъ де-Монтихо былъ расторгнутъ судебнымъ порядкомъ и вновь заключенъ; такъ что многіе высказывали сомнѣніе, законно ли происхожденіе Евгении. Передавались въ явь и въ тихомолку слухи... Въ Парижѣ Монтихо-мать жила открыто, украшеніемъ ея салона была, конечно, дочь. Наполеонъ познкомился съ молодой графиней еще въ то время, когда былъ только президентомъ республики. Евгения сумѣла заинтересовать будущаго императора; недаромъ онъ считался анатомомъ женщинъ, а она — одна изъ самыхъ красивыхъ парижанокъ.

Эксъ - императрица Евгенія,
невеста Наполеона III — въ
1853 году.

Наполеонъ III и Евгенія
въ 1853 году.

Эксъ-императрица Евгенія.
Съ послѣдняго портрета, авторства „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Графъ Дюркгеймъ-Монмартенъ, хорошо изучившій быть современнаго ему парижскаго общества и двора, отзывается о Евгении въ такихъ выраженіяхъ: „Ни Мурильо, ни Веласкецъ, и развѣ только Тиціанъ, при нѣжности его красокъ и всей его кротости, могъ бы ее изобразить“. Никогда раньше не приходилось видѣть столь очаровательную и гармонично сложенную фигуру, головку, украшенную такими золотистыми косами. Ослабительный цвѣтъ кожи, прекрасныя глаза, отъбѣненные длинными рѣсницами, чудный ростъ и чарующія изысканныя манеры—озаряли невѣсту императора сияніемъ дѣвственной красоты“.

Увлечение Наполеона Евгенией еще возросло благодаря ея чуткой отзывчивости на его политическія идеи; и сѣти были слишкомъ крѣпки, чтобы онъ могъ освободиться отъ нихъ.

Король Вестфальскій, принцъ Жеромъ, и сводный братъ Наполеона, графъ Морни, приближенные императора Друэнъ де-ла-Гюйсь, Персины и другіе напрасно пытались отклонить его отъ женитьбы на „испанкѣ“; больше другихъ возставали члены императорской семьи, но протестъ былъ безплоденъ. Какъ только состоялось соглашеніе съ миссъ Говардъ, возлюбленной Наполеона, которая якобы принесла значительныя матеріальныя жертвы, и деньгами было куплено ея молчаніе, ничто уже не препятствовало браку императора, и 29 января онъ былъ заключенъ гражданскимъ порядкомъ, въ законномъ порядкѣ, въ *Salle des maréchaux* Тюильерскаго дворца. Въ качествѣ свидѣтелей подписались, — по словамъ Делора,—принцы Жеромъ, Наполеонъ-Жозефъ, Люсьенъ и Пьеръ-Наполеонъ Бонапарты, принцессы Матильда Бонапарт-Демидова и Элиза Басводи (графиня Камерата), принцъ Люсьенъ Муратъ, кардиналы Бональдъ, Дюонъ, Матье, Гуффэ, Доннэ, и многіе маршалы, адмиралы, президентъ сената и палаты министровъ и др. По окончаніи обряда, императоръ и императрица присутствовали на спектаклѣ въ „*Salle des spectacles*“, гдѣ артистами оперы была исполнена торжественная кантата съ такимъ припѣвомъ:

„Espagne bien aimée,
Où le ciel est vermeil,
C'est toi qui l'a formé
D'un rayon le soleil“.

На слѣдующій день на балу въ Тюильери „музѣ“, въ старинномъ испанскомъ костюмѣ величала новобрачныхъ въ еще болѣе льстивыхъ стихахъ:

„Céleste concerts — Douce harmonie --
Glissez dans les airs;
Chantez la grace unie—Au génie—Chan-
tez Eugénie,
Et les amours—Durent toujours“.

30 января въ Парижѣ архіепископъ совершилъ церковный обрядъ въ соборѣ *Noire-Dame*. На императрицѣ была та самая корона, что 2 апрѣля 1810 года украшала голову Маріи-Луизы.

Отъ собора по пути ко дворцу толпились свыше двухсотъ тысячъ человѣкъ. Народъ ведъ себя сдержанно. И лишь когда новобрачные показались на одномъ изъ балконовъ Тюильери, раздались единичныя привѣтственные клики.

Бѣлые и черные въ Америкѣ и ихъ взаимная ненависть.

„Президентъ Рузвельтъ, олицетворяющій самую смѣлость, рѣшилъ, повидимому, вступить въ открытый бой съ расовыми предрасудками сѣверо-американской демократіи. Сначала онъ пригласилъ къ

своему столу негра (благовоспитанные люди Соединенныхъ Штатовъ, облекая свое презрѣніе въ вѣжливую форму, говорятъ: „эфіопа“); потомъ онъ назначилъ трехъ цвѣтныхъ джентльменовъ на отвѣтственные должности,—между прочимъ, въ южной Каролинѣ—этомъ очагѣ вражды къ неграмъ. И то, чего можно было опасаться, тотчасъ обнаружилось. Отъ Тихаго до Атлантическаго океана, отъ Мексиканскаго залива до Великихъ озеръ несся дружный крикъ негодованія. Весь югъ поднялся, какъ во дни кровавыхъ ужасовъ Джона Брауна. Народный гнѣвъ угрожаетъ любимцамъ президента, а потомъ и всѣмъ цвѣтнымъ людямъ, хотя бы они не получили никакихъ служебныхъ отличій. Но въ то время, какъ газеты переполнены отголосками этой ожесточенной травли, я прочелъ книгу Томаса Диксона „*The Leopard's Spots*“ (Пятна Леопарда). Подобно молніи она освѣтила мнѣ самыя темныя извилины душевнаго склада сѣверо-американцевъ“.

Такъ начинается Максъ Нордау свою блестящую статью, посвященную злобѣ американскаго политическаго дня.

„Пятна Леопарда“—тенденціозный романъ, въ которомъ широкими штрихами набросана картина жизни въ Южныхъ Штатахъ и въ особенности въ сѣверной Каролинѣ въ ту эпоху, когда послѣдній отрядъ конфедератовъ, подъ начальствомъ генерала Ли, сложилъ оружіе и возстаніе сторонниковъ рабства было окончательно подавлено. Послѣ четырехлѣтней войны бѣлолицыя солдаты воротились на родину и нашли ее опустошенной. Ихъ семьи были убиты или исчезли; имущество разграблено; земля въ заустыни, или захвачена пришельцами, ихъ дома, единственное благо и счастье, сожжены либо разрушены. Но не это еще казалось имъ худшимъ: тѣ самыя негры, которыхъ они, уходя на войну, оставили рабами, теперь стали господами и бросали съ презрѣніемъ въ лицо людямъ, закопченнымъ порохомъ двадцати кровавыхъ сраженій: „горе побѣжденнымъ“.

Надо замѣтить, что въ сѣверной Каролинѣ, какъ и въ остальныхъ десяти южныхъ штатахъ, негритянское населеніе численно преобладаетъ надъ бѣлымъ. Успѣхъ союзныхъ войскъ даровалъ неграмъ полноправіе: они теперь получили право голосованія, которымъ научились пользоваться, благодаря наставленіямъ безмозглыхъ бѣлолицыхъ политиковъ. Знаменитые „*Carpet Baggers*“—бездомный сбродъ, невѣдомые или слишкомъ знакомые авантюристы, сбѣжавшіе каторжники, преступники, увильнувшіе отъ вѣсѣлицы благодаря ловкости или счастливому случаю, злостные банкроты и люди, потерявшіе крушеніе на различныхъ черствыхъ и нечестныхъ поприщахъ,—заполнили югъ точно стая голодныхъ волковъ, нагрянувшихъ на поле битвы въ надеждѣ на богатую добычу.

Приемы *Carpet Baggers* были необыкновенно просты: они появлялись въ какомъ-нибудь южномъ городѣ, собравшись вокругъ себя негровъ и учреждали „*Freemen's office*“, т. е. „бюро для вольноотпущенныхъ“. Официальной цѣлью такихъ учреждений выставлялась охрана бывшихъ рабовъ и руководство ими на первыхъ шагахъ свободной жизни. На самомъ же дѣлѣ это были притоны вербовщиковъ, которые заманивали негровъ въ качествѣ безотвѣтнаго „выборнаго скота“. Правда, небольшое число прежнихъ рабовъ сохранило вѣрность старымъ хозяевамъ и отказалось присоединиться къ товариществамъ вольноотпущенныхъ. Но то было незначительное меньшинство; оно подвергалось угрозамъ, потому нападеніямъ, иногда даже избиенію до тѣхъ поръ, пока всѣ цвѣтные не попали подъ ярмо бѣлыхъ вербовщиковъ.

Дальше все пошло своимъ порядкомъ. Послѣ выборовъ, проведенныхъ посредствомъ открытаго насилія, обмана и подлоговъ, *Carpet Baggers* овладѣли кормиломъ власти въ общинахъ, графствахъ и штатахъ; они распредѣлили между собою должности губернаторовъ, сенаторовъ, депутатовъ и городскихъ головъ и уступили лишь отбросы власти нѣкоторымъ изъ своихъ цвѣтныхъ помощниковъ, наиболѣе крикливымъ или безсовѣстнымъ.

Чиновники грабили общественныя кассы и клали подати себѣ въ карманы; въ качествѣ судей, они попирали право и законы; въ качествѣ почтмейстеровъ они обратили всѣ почтамы въ „черныя кабинеты“. У тѣхъ изъ бѣлолицыхъ, которые не хотѣли покориться Вашингтонскимъ бандамъ, не было гарантіи ни имуществу, ни жизни. Если домъ или имѣніе приходило по вкусу одному изъ *Carpet Baggers* или члену шайки ихъ чернорлицыхъ приспѣшниковъ, къ владѣльцу этого имущества предъявлялось требованіе несоразмѣрныхъ податей. А учрежденіе, въ которыхъ разсматривались жалобы на неправильныя обложения, были въ рукахъ тѣхъ же бродягъ. И съ несчастнымъ, что отказывался платить подати чаще потому, что она далеко превосходила стоимость всего имущества, расправа была коротка: его имѣніе продавали съ молотка. Густая цѣпь вооруженныхъ негровъ не допускала солидныхъ покупателей къ участию въ торгахъ и имѣніе доставалось подъ предлогомъ законныхъ поводовъ одному изъ членовъ банды. Такимъ образомъ, разыгрывалась комедія: собственникъ обездоленъ, мнимый покупатель становится правомѣрнымъ владѣльцемъ имущества и, конечно, не платитъ за то ни копѣйки.

Если же бѣлый выражалъ негодованіе по поводу такого насилія, его обвиняли въ бунтѣ и приговаривали къ многолѣтнему лишенію свободы или даже къ смертной казни, хотя чаще подписали ему краснаго пѣтуха или убивали въ-за угла. Наряду съ убійствомъ, поджогами, разбоемъ, подкунами и выборными обманами процвѣтали и преступленія противъ нравственности, именно противъ бѣлыхъ женщинъ, которыхъ, якобы, постоянно насилывали негры. Это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ.

Бѣлые, истощенные и подавленные четырехлѣтней кровавой и несчастной войной, въ нѣмомъ отчаяніи покорились игу *Carpet Baggers* и даже примирились съ высокочѣрнымъ неграмъ. Но когда бывшій рабъ посягнулъ на честь ихъ жёнъ и дочерей, они сбросили внезапно оковы сна и ярость возродила въ нихъ мощь храбрыхъ англосаксовъ, заставила вспомнить съ гордостью, что они свободные бѣлые граждане. Противъ насилія они выступили съ насиліемъ, на терроръ пошли терроромъ. И, словно по щучьему велѣнію, соединились въ знаменитый „*Ку-Клукс-Кланъ*“—союзъ, который возстановилъ законъ и порядокъ при помощи самыхъ незаконныхъ средствъ.

Члены союза составили конную дружину; лошади ихъ были покрыты бѣлыми попонами чуть ли не до копытъ. Самы они — въ бѣлыхъ рубашкахъ поверхъ платья и съ бѣлой вуалью на лицѣ—отрядами въ нѣсколько тысячъ вторгались ночью въ городъ или селеніе; захватывали виновника преступленія, которое почитали достойнымъ мщенія и подвергли его, сообразно винѣ, то наказанію плетью, шприпругами, палками, то жестокимъ пыткамъ и медленной смерти. Переѣзъ разсвѣтомъ они исчезали, не пригнувъ оставить на мѣстѣ казни или пытки записку: „Возмездіе Ку-Клукс-Клукса“.

Нѣсколькихъ расправъ было достаточно, чтобы навести панику на шайку грабителей. *Carpet Baggers*, набивавшіе мощь

ну чужимъ добромъ, обратились въ безумное бѣгство. Они явились изъ Вашингтона (осыми, съ жалкимъ мѣшкомъ подъ мышкой — отсюда кличка „Satret Baggers“, — а вернулись туда съ милліонами, и предпочли прожить ихъ на мирномъ сѣверѣ, нежели вѣдаться съ „кланомъ“ и рисковать головой. А черные сотоварищи ихъ, лишившись главарей шайки, тотчасъ обратились въ прежнихъ рабовъ и, павши передъ хозяевами, лизали имъ ноги. Въ теоріи свободные, они на дѣлѣ не дерзали пользоваться своими правами — уклонялись отъ выборнаго голосованія; и бѣлые вновь стали во главѣ общины и штатовъ. Негры же опять были порабощены, но ихъ положеніе сравнительно ухудшилось, потому что теперь они оказались престарелыми самими собой; никто уже не сталъ бы кормить и защищать ихъ, какъ раньше.

Таково положеніе вещей, описанное въ романѣ Диксона множествомъ образныхъ деталей. Любовную интригу, что примѣшивается къ историческому изложенію, я оставляю въ сторонѣ, — она не важна. Существенна въ книгѣ — ея основная мысль.

Томасъ Диксонъ рѣшительно высказывается въ томъ смыслѣ, что созданное Ликольномъ должно быть разрушено. Не то, чтобы авторъ требовалъ восстановления рабства, но онъ настаиваетъ на лишеніи негровъ политическихъ правъ, которые были имъ дарованы въ 1861 г. великодушнѣе С. Штатовъ, и признать котораго рабовладельческіе штаты были принуждены послѣ кровавой войны.

По мнѣнію Томаса Диксона, въ черной расѣ настолько ясно выражены животныя склонности, что бѣлые, посягающіе на свою жизнь, когда обращаются съ ними какъ съ равными. Съ дикимъ одушевленіемъ, словно въ бреду, онъ проповѣдуетъ евангеліе англосаксонскаго превосходства и вонетывающаго империализма, который начнетъ очищеніемъ С. Штатовъ отъ негровъ и окончитъ покореніемъ вселенной. Одинъ изъ героев романа, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „не мыслимо основать государство на враждѣ двухъ расъ. Наша будущность въ англосаксонской, а не мулатской расѣ. нашей исторіи пробилъ часъ, когда негры должны быть изгнаны изъ народной жизни, а владѣтельство нашихъ предковъ — восстановлено развѣ навсегда. Въ новое столѣтіе англосаксъ вступаетъ съ царской короной прошлаго и настоящаго и скипетромъ незаконности. Побѣдоносному англосаксу предшествуютъ по всему свѣту клики побѣды. Наши предки, въ сознаніи своей національности, мечтали о мѣстномъ первенствѣ. Мы же мечтали о покореніи міра. Мы вѣримъ, что наша раса избрана Богомъ, какъ нѣкогда избранъ былъ Израиль: что среди всеобщей неурядицы ей, олицетворяющей культуру, подобаешь установить и упрочить среди слабѣйшихъ расъ основныя начала гражданской и религиозной свободы и конституціоннаго правленія. Въ этотъ рѣшающій моментъ наше званіе развѣвается надъ десятью милліонами, полудикихъ негръ въ, населяющихъ прогнившую рабскую дыру Востока — Филиппинскіе острова. Надо ли намъ возобновлять комедію 1867 года, извращать естественный порядокъ вещей и ставить чернокожихъ на господское мѣсто? Если такъ, почему же не покусятся на нашу жизнь и африканцу, отъ котораго недалеко ушелъ филиппинецъ? Неужели это древнее, благородное государство такъ и сгнѣтъ въ негритянской грязи и низости? И мы живемъ на зарѣ двадцатаго вѣка! Стремимся идти впередъ и въ то же время буквально омертвѣли отъ гнойныхъ язвъ негритянской чумы. Пятнадцать обширныхъ графствъ вновь поды негровъ. Государство сдавлено ихъ тисками. Наши

выборныя учрежденія опозорены составомъ избирателей.

„Ихъ безстыдство грозитъ нашимъ женамъ. По дорогѣ въ школу наши дѣти подвергаются издѣвательству чернокожихъ бездѣльниковъ въ, за которыхъ мы платимъ все по пати. Терпимъ ли надзоръ негровъ надъ школами бѣлыхъ и руководство неграми учрежденій бѣлыхъ? Задержаніе бѣлыхъ женщинъ черными полицейскими и судъ надъ ними черными судей? Услышьте меня, люди моей расы, норманны и кельты, ангы и саксы, датчане и франки, кровь гугенотскихъ и германскихъ мучениковъ! Пробилъ часъ, соберемъ силы, порвемъ оковы; въ которыхъ мы разлагаемся, и мощно низринувъ негра, вновь отвоюемъ нашимъ дѣтямъ родовое право, — это безцѣнное сокровище, унаследованное нами отъ предковъ... Достойнъ ли негръ властвовать надъ нами? Спроситъ исторію. Вотъ уже три тысячи лѣтъ негръ владѣтъ четвертой частью земнаго шара. Онъ не подвинулся ни на шагъ впередъ, не очистилъ ни одной чаши отъ гадюкъ. На Гаити и Санъ-Доминго онъ поднялъ мятежъ среди рабовъ и перебилъ пятьдесятъ тысячъ бѣлыхъ: мужей, женъ и дѣтей. На этихъ чудныхъ островахъ онъ царитъ уже сотни лѣтъ. Имѣя передъ собою образцы арийской культуры, обнаружилъ ли онъ въ чемъ-нибудь прогрессъ? Нѣтъ. Еще вчера мы узнали, что на Гаити обнаружено людоедство. Въ нашихъ сѣверныхъ штатахъ въ теченіе испытательнаго столѣтія неграмъ были предоставлены все блага цивилизаціи и культуры, но ни одинъ изъ нихъ не увеличилъ хотя-бы на волосокъ уместнаго достоинства человѣчества. Пусть негръ живетъ, пользуется свободой и стремится къ счастью, если онъ вообще способенъ быть счастливымъ, не царствуя надъ англо-саксами и не унижая насъ до собственнаго уровня. Но если все его счастье во владѣствѣхъ надъ высшей расой, пусть ищетъ другой части свѣта и тамъ царитъ. Въ этой намъ обоимъ нѣтъ мѣста!“

Другое дѣйствующее лицо романа, кроткій пасторъ, говоритъ слѣдующее: „если нужно, мы истребимъ негровъ. Вонъ ихъ изъ Америки. Старикъ пусть еще доживаютъ своей вѣкѣ, но молодежь вонъ! Эфиопъ не можетъ переменить своей шкуры, какъ леопардъ своихъ пятенъ. Одна капля негритянской крови дѣлаетъ цѣлаго негра. Хотите ли вы имѣть дѣтьми мулатовъ, т. е. негровъ? То, что называютъ расовымъ предразсудкомъ, есть лишь естественный и божественный законъ стремленія къ самоохранѣ.“

Вотъ то, что приходится читать въ книгѣ американца, полной мрачной рѣшимости и дикаго краснорѣчія, въ произведеніи автора, одареннаго необыкновеннымъ писательскимъ талантомъ, мощью мысли и слова; и это черезъ столѣтъ послѣ Вильберфорса, черезъ пятьдесятъ послѣ Шельхера! Не слѣдуетъ ли усомниться, по-истинѣ, въ прогрессѣ человѣчества?

Въ приведенныхъ рѣчахъ слышатся раскаты того же грома, отзвуками котораго, едва ли ослабленными, полно декабрьское посланіе президента Рузвельта. Книга Диксона появилась раньше посланія Рузвельта. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настроеніемъ, широко охватившемъ американскій народъ, и оно нашло выраженіе у писателя, какъ и у высшаго чиновнаго лица Соединенныхъ Штатовъ. Оба сходятся во взглядѣ на империализмъ и далеко расходятся во взглядахъ на негровъ.

Я не достаточно знакомъ съ бытомъ прежнихъ рабовладельческихъ штатовъ, чтобы судить, насколько ихъ состояніе послѣ гражданской войны вѣрно описано Диксономъ. Но иные изъ его принци-

пальныхъ положеній кажутся сомнительными!

„Одна капля негритянской крови дѣлаетъ цѣлаго негра“. Такъ-ли? Но величайшій русскій поэтъ Пушкинъ былъ сыномъ негра*). Дома-отецъ, одинъ изъ лучшихъ и занимательныхъ французскихъ писателей, внукъ негритянки. Дюма-сынъ, популярнѣйшій драматургъ своего времени, былъ квартеронъ. По теоріи Диксона, все трое оказались бы неграми. Если такъ, поздравляемъ негровъ, а если нѣтъ, то въ чемъ же сила доказательствъ Диксона?

Одна капля негритянской крови!

Въ южной Франціи, Италиі, Испаніи и Португаліи, въ милліонахъ честныхъ европейцевъ течетъ гораздо больше каплей негритянской крови, но они ни въ чемъ не отличаются отъ чистокровныхъ бѣлыхъ и ничто не дало-бы Диксону основанія заподозрить ихъ въ этомъ.

Диксонъ хотѣлъ-бы изгнать негровъ изъ Америки или истребить ихъ. Пусть попробуетъ, и увидимъ, насколько это возможно. Нельзя ни избить, ни изгнать восемь милліоновъ людей, можно только ихъ слѣвать глубоко несчастными и опасными для себя, для ихъ родины.

Несомнѣнно, въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ вопросъ о неграхъ. Онъ очень серьезный и трудный. Но чья въ томъ вина? Негры пришли въ Америку не по своей волѣ; они вовсе не добивались чести стать гражданами Соединенныхъ Штатовъ: ихъ притащили силой работорговцы изъ Африки. Сыновья работорговцевъ не имѣютъ права слагать съ себя отвѣтственности за грѣхи отцовъ. Потомки наследуютъ предкамъ въ честь, какъ и въ стыдъ. Пусть же попробуютъ разобраться въ достоинствѣ своихъ предковъ, торговавшихъ чернымъ людомъ. Было бы очень удобно отдѣлаться отъ живыхъ свидѣтелей преступленій, совершенныхъ предшественнымъ поколѣніемъ, подвергнувъ этихъ очевидцевъ смерти или изгнанію. Нѣтъ, придется, видно, понатужиться, чтобы найти болѣе чуждый и болѣе достойный американской культуры.

Полвѣка назадъ міръ былъ потрясенъ книгой Бичеръ-Стоу: „Жизни дяди Тома“. Диксонъ написалъ романъ прямо противоположный этому историческому труду. Тамъ была проповѣдь свободы, здѣсь — новаго рабства; то было написано любовью, это ненавистью. Безсознательной стихійной ненавистью, потому что Диксонъ искренно убѣжденъ въ томъ, что онъ благодѣтельствуетъ негровъ своимъ стремленіемъ отвратить отъ нихъ близкую и страшную кару. Его романъ впервые литературно облекаетъ антигамитизмъ. Издавна онъ коренится въ Соединенныхъ Штатахъ, захватываетъ все больше и больше круги, но никогда еще мы не встрѣчали подобнаго грубаго отрицанія любви къ ближнему, чуждыности, какъ въ этомъ крикѣ гнѣвной души.

Америка страдаетъ отъ безчисленныхъ дурныхъ дѣяній минувшихъ поколѣній. Она ненавидитъ жертвы, которыхъ подвергла жестокому страданіямъ. Это одна изъ основныхъ и всеобщихъ особенностей человѣческой души. Гораздо рѣже и блѣднѣе проявляется стремленіе загляднть несправедливость и утѣшить жертву лаской.

Бывшіе рабовладельцы — нынѣ антигамиты; они слѣдуютъ логикѣ дюжинныхъ людей. Гдѣ былъ грабежъ — теперь жестокость; гдѣ преступленія — тамъ нынѣ убійства, какъ ихъ естественный исходъ. Но президентъ Рузвельтъ иначе мыслитъ, иначе чувствуетъ. Онъ противопоставляетъ антигамитической догмѣ соотече-

*) Почтенный нѣмецкій критикъ, очевидно, смѣшалъ отца поэта, Сергѣя Львовича, съ его дѣдомъ по матери — Гамболомъ.

Въносъ тѣла высокопреосвященнаго митрополита Феогноста изъ храма при Кіево-Печерскомъ подворьѣ въ С.-Петербургъ, 24-го января.

ственниковъ свою терпимость и вѣру въ способность всѣхъ расъ къ прогрессу. Изъ столкновенія этихъ двухъ теченій возникнетъ по всѣмъ признакамъ жестокой бой, который можетъ многому научить старую Европу.

Въ древней столицѣ Марокко.

„О, Фецъ! Всѣ красоты земли сосредоточены въ тебѣ!“ этими словами приветствуетъ арабскій историкъ древнюю столицу Марокко, на которую теперь обращены всѣ взоры. путешественники-европейцы, посѣтившіе этотъ городъ, также восхваляютъ его художественныя достоинства, хотя и недостатковъ въ немъ не мало. Весьма интересное описаніе своихъ впечатлѣній о Фецѣ даетъ англичанинъ Леаредъ. Путешественнику казалось, что онъ попалъ въ роскошный садъ.

„Роскошное орошеніе, благодаря протекающей черезъ городъ рѣкѣ, превратило это мѣсто въ земной рай. Роскошныя мир-

Печальная процессія на Николаевскомъ мосту.

Литія у Исаакіевскаго собора.

Перенесеніе тѣла высокопреосвященнаго митрополита Феогноста изъ храма при Кіево-Печерскомъ подворьѣ на Варшавскій вокзалъ.

Со снимковъ нашего фотографа, авторитетнаго „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

товья деревья вышиною до 40 футовъ и цвѣтущій, благоухающій жасминъ падаются на каждомъ шагу. Рѣка раздѣляетъ городъ на старую и новую часть: первая болѣе обширна и является центромъ промышленной жизни. Мы ѣхали черезъ длинную улицу, шириною всего въ одну сажень, которая тянется черезъ весь старый городъ. Мѣстами улицы были вымощены мелкимъ камнемъ, который казался полированнымъ. Лавки имѣютъ видъ обыкновенныхъ четырехугольныхъ комнатъ, расположенныхъ нѣсколько футовъ выше мостовой и совершенно открытыхъ. Онѣ были въ изобиліи снабжены всякаго рода товарами. Туземцы торговцы очень ловкіе и хитрые: сидятъ они на полу, подобно туркамъ, и товаръ подаютъ покупателю, большей частью не подымаясь. Многія улицы были снабжены открытыми крышами, сплетенными изъ тростника. Крыши эти и входы домовъ были убранны тканями, а дорога внизу была покрыта грязью и пылью. Городъ очень богатый. Главныя отрасли промышленности суть: шерстяная, кожевенная и производство глиняной посуды. Невыносимая жара значительно затрудняла закупки; торговцы съ покупателемъ обращаются повсюду вѣжливо и съ уваженіемъ. По направленію къ центру города картина нѣсколько мѣняется. Вы-

сокіе, нагроможденные другъ на друга дома во многихъ мѣстахъ съ трещинами. „Улицы узкія, черезъ каждыя тридцать шаговъ онѣ поворачиваютъ то въ одну, то въ другую сторону, иногда оканчиваются совершенно темными проходами. Въ самомъ центрѣ города значительное движеніе. Мужчины останавливаются и оглядываютъ иностранцевъ съ удивленіемъ, женщины возвращаются назадъ или низко кланяются, дѣти кричатъ и убѣгаютъ, а взрослые мальчуганы издали грозятъ кулаками. На каждомъ шагу встрѣчаются источникники съ мозаичными бесѣдками, мавританскія ворота, сводчатые разукрашенные дворы, останки древней арабской архитектуры.

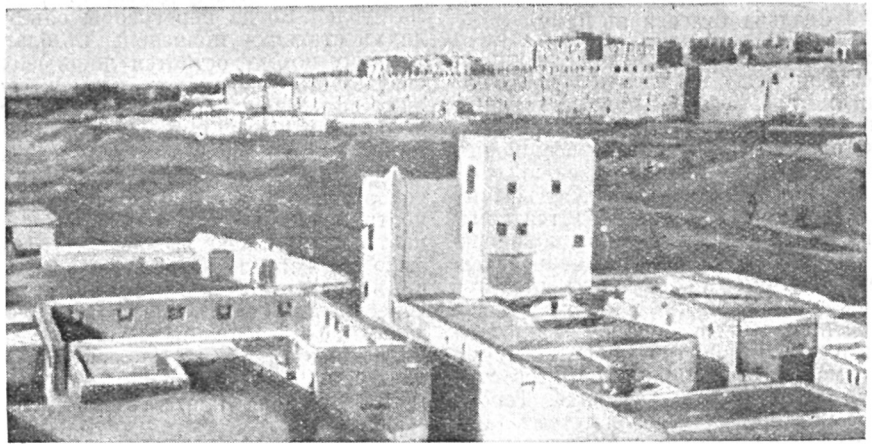
„Каждую минуту мы оказывались въ темныхъ проходахъ. Наконецъ, мы пришли на главную улицу, шириною всего въ 6 футовъ, которая была переполнена людьми. Даныя намъ въ провожатые солдаты, взявшись за руки, окружили насъ, чтобы удобнѣе провести такимъ образомъ черезъ толпу. Тысячи глазъ были обращены на насъ. Въ этой давкѣ мы едва могли дышать отъ жары, подвигались медленно, останавливаясь каждую секунду, чтобы пропустить мавра на лошади, женщину съ закрытымъ лицомъ на верблюдѣ или осла съ поклажей. Старухи съ озлобленными лицами и совершенно голыми грудями проталкивались

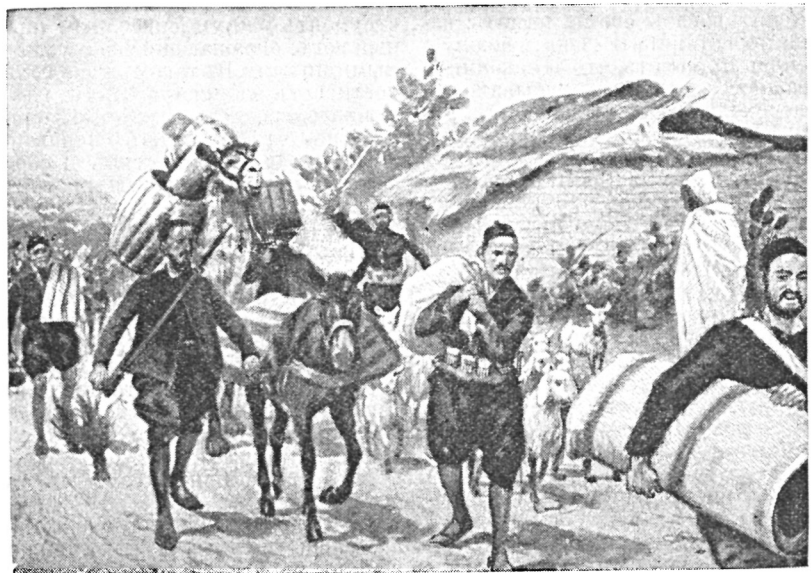
Къ событіямъ въ Марокко.—Солдаты-марокканецъ.

мимо насъ, посылая проклятья по нашему адресу, сусмашедшіе въ костюмъ Адама, разукрашенные перьями и цвѣтами, попадались на каждомъ шагѣ... На другой улицѣ мы встрѣтили необыкновенно тучнаго стараго чловѣка, духовнаго сана, который стоялъ опять-таки въ прародительскомъ костюмѣ, опершись на копье. Пока мы проходили, онъ произносилъ по нашему адресу проклятья.

„Столица Марокко, несомнѣнно, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ городовъ міра.“

Къ событіямъ въ Марокко.—Видъ на фецскую крѣпость.

Къ событіямъ въ Марокко.—Разграбленіе кабилской деревни солдатами султана.

Съ моментальнаго снимка Р. Цабеля, авторія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Къ событіямъ въ Марокко.—Главная мечеть въ Танжерѣ.

Къ событіямъ въ Марокко.—Видъ на Танжеръ съ моря.

Африканскіе свадебные обычаи.

Свадьба Суагели в Ламу.

Если мы упоминаем о Суагели, то имеем в виду не жителей восточно-африканскаго побережья, а настоящих Суагели или вѣриѣ—Вазагели. Это потомки арабовъ и персовъ, переселившихся въ восточную Африку нѣсколько сотенъ или даже тысячъ лѣтъ назадъ. Иные между ними еще сегодня гордятся тѣмъ, что въ ихъ жилахъ нѣтъ ни капли негритянской крови. Обычаи Вазагели совершенно отличны отъ обычаевъ другихъ восточно-африканскихъ племенъ, въ особенности свадебные. Конечно, вѣяніе времени и общія вѣянія туземцевъ Ламу въ зависимости отъ уничтоженія рабства многое уже успѣли измѣнить. Теперь бракосочетаніе совершается путемъ лишь явки у кади, и родители рады-радехоньки, избавившись отъ лишняго рта. Но въ болѣе обезпеченныхъ семьяхъ еще крѣпки традиціи старины, за малыми, развѣ, исключеніями.

Когда мальчикъ достигнетъ юношескаго возраста и научится читать коранъ или даже цитировать его на память; когда юноша перестанетъ посѣщать школу и ходить лишь въ мечеть, чтобы закончить свое образование, отцу пора добывать все то, что необходимо для свадьбы. Это называется *Ku'ngia umbani*. Юноша видитъ, что его готовятся сосватать, что онъ женится, кажется ему вполне естественнымъ, а когда именно, про то знаетъ отецъ. Ему остается лишь съ удовольствіемъ слѣдить за покушкой краснаго „юхо“ (кафтанъ) съ широкимъ серебрянымъ шитьемъ, тюрбана и девли, т. е. пояса, затканнаго золотомъ. Стоимость „девли“ иной разъ доходитъ до 500 рублей. Нарядъ дополняется кинжаломъ и саблей; ихъ берутъ обыкновенно изъ фамильной оружейни; оружіе,—переходитъ изъ рода въ родъ. Браки между близкими родственниками явленіе заурядное, особенно въ богатыхъ семьяхъ; очень часто дѣти чуть-ли не въ день рожденія предназначаются другъ другу, они растутъ вмѣстѣ и знаютъ, что имъ предстоитъ бракъ. Но съ двѣнадцати лѣтъ ихъ разлучаютъ.

Если среди родни отецъ не подыщетъ сыну невесты, онъ присматривается къ дѣвушкамъ изъ другихъ родовъ; въ Ламу всѣ другъ друга знаютъ и хорошія невесты на счету. Какъ и у всѣхъ магометанъ сунитовъ, мужчины и женщины не разобщены; поэтому составить себѣ мнѣніе о наружности невесты. Дѣвушку могутъ видѣть лишь самые близкіе родственники. Когда отецъ присмотрится къ намѣченной невесткѣ—окинетъ ее, такъ сказать, умственнымъ взоромъ, за невозможностью болѣе близкаго знакомства, онъ посылаетъ къ ея отцу сватовъ. Получить отказъ считается очень оскорбительнымъ, поэтому официальное сватовству предшествуетъ нѣкоторое зондированіе почвы. Дѣвушку выдаютъ замужъ едва только она достигнетъ извѣстной физической зрѣлости, обыкновенно по четырнадцатому году. Мужчинъ женятъ 17—18 лѣтъ.

Если сватовство встрѣчаетъ сочувственный пріемъ, заходитъ рѣчь о магари и киту. Магари—это приданое, которымъ женихъ обезпечиваетъ невесту; оно рѣдко выплачивается до свадьбы и служитъ лишь залогомъ, вознаграждающимъ жену при расторженіи брака; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мужъ не всегда выполняетъ обязательство, и есть много условий, при наличности которыхъ уплата приданаго считается не обязательной, напр., если требованіе развода исходитъ отъ жены. Киту—свадебный подарокъ, теперь онъ состоитъ изъ наличныхъ денегъ, а въ доброе старое время женихъ дарилъ невестѣ рабыню.

Рабыня съ ожерельемъ (кама) огѣнивалась въ сто долларовъ (200 руб.). Магари же колеблется между двумя и пятьюстами рублей. Когда переговоры объ этихъ двухъ статьяхъ приведены къ благополучному исходу, остается лишь сыграть свадьбу. Ее назначаютъ чаще всего на одну изъ ближайшихъ пятницъ, этотъ день почитается магометанами праздничнымъ. Въ пятницу утромъ женихъ омывается въ банѣ и велитъ обрить себѣ голову; эту операцію производитъ вольноотпущенникъ семьи и въ награду получаетъ себѣ платье, которое въ то утро было на женихѣ. Потомъ молодой человѣкъ подвергается нѣсколькимъ косметическимъ приемамъ: его натираютъ сандаломъ, благовонными маслами и мазями, потомъ облачаютъ въ свадебный нарядъ, опоясываютъ „девли“. Женихъ затыкаетъ за поясъ кинжалъ и вооружается саблей.

Но полдень уже миновалъ, утрення служба въ мечети отошла, за женихомъ приходитъ отецъ, сопровождаемый кади и толпой друзей и родственниковъ. И женихъ окруженный нарядными рабынями выступаетъ въ свадебной процессіи; она открывается „музыкантами“, главный инструментъ у нихъ „сива“, огромный мѣдный рогъ, оглашающій воздухъ неописуемыми звуками. Въ такомъ порядкѣ шествіе достигаетъ жилища невесты, гдѣ ея суженнаго ожидаетъ стулъ изъ чернаго дерева съ отдѣлкой изъ слоновой кости. Женихъ садится на стулъ и обращаетъ лицо въ сторону Мекки. Напротивъ помѣщается кади, и едва только прозвучитъ его голосъ, шумъ тотчасъ стихаетъ. Невѣста сидитъ въ отдаленной комнатѣ, окруженная родственницами. Она изъяснила уже отцу согласіе на бракъ, отецъ, въ свою очередь, передалъ его кади и послѣднему остается лишь благословить брачующихся. При этомъ кади спрашиваетъ: „Хочешь-ли взять въ жены дочь такого-то, съ магари въ такой-то суммѣ?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта кади говоритъ: „Вѣнчаю тебя, такого-то, съ дочерью и пр., при магари въ такой-то суммѣ.“

Этимъ исчерпывается содержаніе обряда. Вновь звучитъ музыка, и новобрачный отправляется домой. Впрочемъ, время „кунгія юмбани“ (вступленія въ домъ) зависитъ отъ обстоятельствъ: если оно приурочивается не ко дню свадьбы, то можетъ быть отсрочено на недѣли, мѣсяцы и даже годы. Возвращеніе къ домашнему очагу считается наиболѣе умѣстнымъ въ четвергъ вечеромъ. Молодой супругъ идетъ къ дому жены, опять въ сопровожденіи друзей и родственниковъ и хора музыки; на этотъ разъ въ процессіи принимаютъ участіе и женщины. Жительницы Ламу не закрываютъ лицъ, подобно гражданкамъ другихъ магометанскихъ государствъ; за то они ходятъ подъ прикрытіемъ „шираги“—нѣчто вродѣ паланкина, несомога двумя рабынями.

Молодая весь день готовится къ свадьбѣ. Родственницы натираютъ ея тѣло сандаломъ, облачаютъ въ новыя, пышныя одежды и украшаютъ ее золотыми серьгами, браслетами и пр. Невѣста изъ богатой семьи имѣетъ собственный полный нарядъ; а у менѣе имущихъ людей—его собираютъ по частямъ, занимая у сосѣдей то одно, то другое.

И бѣдная женщина, отягощенная украшениями, одурманенная испареніями благовонныхъ веществъ, сидитъ за завѣсью и не знаетъ, что ждетъ ея. Она залывается горькими слезами. У завѣсы сидитъ тетка, напротивъ—свободный стулъ; его занимаетъ новобрачный; онъ достаетъ изъ „даувати“ (шкатулки), несомой вольноотпущенникомъ, извѣстную сумму денегъ, сообразно своей имущественной состоятельности, и завернувъ ее въ шелковый платокъ, вручаетъ теткѣ, отъ которой деньги переходятъ къ ново-

брачной. И мужъ возвращается къ гостямъ. По окончаніи свадебнаго пира, онъ получаетъ подарокъ обратно,—значитъ, скушиться не для чего.

Являются „валиши“ (рабыни) и уводятъ молодого, чтобы облечь его въ „кизуту“ (платки, носимые женщинами) и онъ не смѣетъ въ теченіе седмицы ихъ снимать. Въ серебряныхъ кувшинахъ подаютъ розовую воду, проливаютъ двѣ-три капли на ноги молодого, жидкость стекаетъ въ серебряную чашу, въ нее же новобрачный бросаетъ двадцать-тридцать рупій; по его примѣру, отецъ, дядя, родственники и друзья и даже лица совершенно постороннія опускаютъ по двѣ рупіи. Гости галдятъ, торгуются, и воздухъ полонъ оглушительнаго гая.

Между тѣмъ, молодой успѣлъ уже помѣститься на удобномъ ложкѣ, украшенномъ цѣнными матеріями; опять валиши вокругъ него и обвѣиваютъ его вѣерами,—при страшной духотѣ и давкъ это далеко не лишнее. Обрядъ „даренія“ выполненъ; посторонніе гости расходятся и остается лишь тѣсный кружокъ родныхъ и друзей. Съ ними молодой дѣлитъ свадебную трапезу. Но вотъ и ужинъ окончился. Новобрачный идетъ къ своей „избранницѣ“—только съ этой минуты онъ получаетъ право взглянуть въ нее. Казалось бы, пирующимъ пора и честь знать, оставить, наконецъ, молодыхъ въ покоѣ. Но традиціи предписываютъ иное: гость и приникаютъ къ завѣсѣ, подслушиваютъ, подглядываютъ; старшая изъ рабынь остается даже въ комнатѣ новобрачныхъ. Потомъ друзья не преминутъ открыть палубу изъ ружей; по улицамъ и домамъ разносятся звуки выстрѣловъ и криковъ „шекува Навусси“ (бракъ совершенъ).

Семь дней не прекращается пиrowанье. Расходы по угощенію берутъ на себя родители новобрачной, и въ старину на эту статью ишло „киту“. На пятый день—парадный обѣдъ; къ нему приглашаются всѣ, принимавшіе участіе въ обрядѣ „даренія“ и много совершенно стороннихъ лицъ. Молодой платитъ за обѣдъ, но истраченное вычитаетъ изъ свадебнаго подарка.

На восьмой день, обыкновенно въ пятницу, молодой снимаетъ съ себя женскіе платки, о которыхъ сказано выше, и въ торжественной процессіи отправляется въ мечеть къ богослуженію. Отецъ его снабжаетъ жилище сына рисомъ, мѣомой (просо), масломъ, сахаромъ, чаемъ, кофе, солью и пр.; даетъ для посадки и пальмовые дички, а прежде полагалось еще извѣстное число рабовъ для обработки полей. Объ остальномъ заботится ужъ самъ сынъ,—онъ вступаетъ на самостоятельный путь. Отецъ новобрачной, съ своей стороны, даритъ молодымъ домъ, драгоценности и рабынь для услуженія.

Еще дважды семь дней не выходитъ молодая изъ дома. Въ это время мужъ, по обычаю, не разстается съ ней, развѣ только для посѣщенія мечети. По вечерамъ собираются къ новобрачнымъ женщины со всѣхъ концовъ поселенія; ихъ привлекаетъ либо сочувствіе, либо простое любопытство. Молодая не должна вмѣшиваться въ бесѣду гостей; если съ ней заговорятъ, она отвѣтитъ лишь молчаливымъ поклономъ. Дво истеченій двухъ недѣль, въ четвергъ вечеромъ, сходится вся родня и подруги новобрачной, которыя готовы сопровождать ее въ традиціонной вечерней прогулкѣ, по нашему—визитачѣ. Подъ звуки пѣсенъ колыхается длинный рядъ „шираговъ“. Визитеры направляются сперва къ близкимъ родственникамъ сочетавшихся бракомъ молодыхъ людей, и вновь сыплются золотыя и серебряныя монеты, въ даръ героямъ дня. Потомъ посѣщаютъ друзей, знакомыхъ, и молодая вступаетъ въ „свѣтъ“.

Страничка изъ английской жизни.

Сохранилось предание, будто королева Елизавета, профажая через одинъ изъ большихъ английскихъ городовъ, была поражена необыкновеннымъ безобразіемъ мѣстныхъ жителей. Подъ влияніемъ этого неблагоприятнаго впечатлѣнія, королева пришла къ выводу, что если мужчины не будутъ заинтересованы въ заключеніи браковъ, то множество дѣвушекъ такъ и непознаетъ радостей семейныхъ. И Елизавета установила выдачу денежныхъ наградъ или по собой тѣмъ представителямъ сильнаго пола, которыхъ не устранишь безобразіе слабаго. Съ тѣхъ поръ и по наши дни въ Англіи существуютъ учрежденія, выдающія приданное — конечно, дѣвушкамъ. Напримѣръ, старинный городокъ Sutton Coldfield изъ года въ годъ расходуетъ по тысячѣ рублей на бѣдныхъ невѣстъ. Перваго мая, въ десять часъ въ утра, городскіе судьи приступаютъ къ выбору четырехъ дѣвушекъ и каждой назначаютъ соответственную сумму; деньги выдаются на руки лишь по истеченіи года, опять-таки 1 мая, послѣ того какъ судьи удостовѣряются, что бракъ дѣйствительно состоялся и избранная вела себя примѣрно. Но въ 1902 году явилось семь претендентокъ на пособіе, и судьи отдали предпочтеніе тѣмъ, которыя давно поселились въ Sutton, если не были мѣстными уроженками; возрастъ избранныхъ выразился: 24, 26, 29 и 42 годами! Въ Ви дзорѣ деньги выдавались на руки немедленно; но такъ какъ нѣкоторыя, получивъ приданое, преисполнились нерасположеніемъ къ браку, то пришлось отсрочить этотъ актъ вплоть до окончанія свадебнаго обряда. Въ Лондонѣ существуетъ учрежденіе, такъ называемое Gasquai-Fava's, обдѣлывающее ежегодно приданымъ трехъ дѣвушекъ приличнаго поведенія, 16—25 лѣтъ. Жребій указываетъ счастливицу. Другое такое учрежденіе состоитъ въ вѣдѣніи синагоги и заботится лишь о невѣстахъ еврейкахъ. Основатель третьяго — Raines Chaity — поставилъ условіемъ, чтобы приданое въ тысячуруб ей доставалось двадцатидвулѣтней воспитанницѣ известной школы; дѣвушка набирается посредствомъ жребія, который вынимаетъ въ запечатанномъ конвертѣ изъ старинной вазы. Открытіе печатей совершается въ торжественной обстановкѣ; оно предшествуетъ парадному обѣду, послѣ котораго избранницы чувствуютъ хоровымъ пѣніемъ, здравицами и т. п.

Бристоль богатъ своеобразными учрежденіями: два изъ нихъ предназначены именно для выдачи приданого и оба вѣдаются городскимъ управленіемъ. Въ 1622 году Томасъ Уайтъ завѣщаль проценты съ известной суммы на ежегодное „содѣйствіе“ четыремъ дѣвушкамъ къ выходу замужъ; условія, поставленныя учредителемъ, таковы: дѣвушка должна быть хорошаго поведенія, бѣдна, но имѣть нѣкоторыя сбереженія, и занимать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ту или иную должность; кромѣ того, она обязана доказать, что бракъ ея разуслудителенъ, а избранникъ — человекъ трудолюбивый и нравственный. Выборы происходятъ во вторую пятницу января. „Red Maids School“ въ Бристоль и учрежденіе маркиза Бутъ въ Кардифъ — преслѣдуютъ тѣ же цѣли. Маркизъ поставилъ, между прочимъ, условіемъ, чтобы и избранныя напоминали объ имени ихъ благодѣтеля. Раздача приданого предшествуетъ чтенію городскимъ головою первыхъ одиннадцати главъ Евангелія отъ Іоанна.

* * *

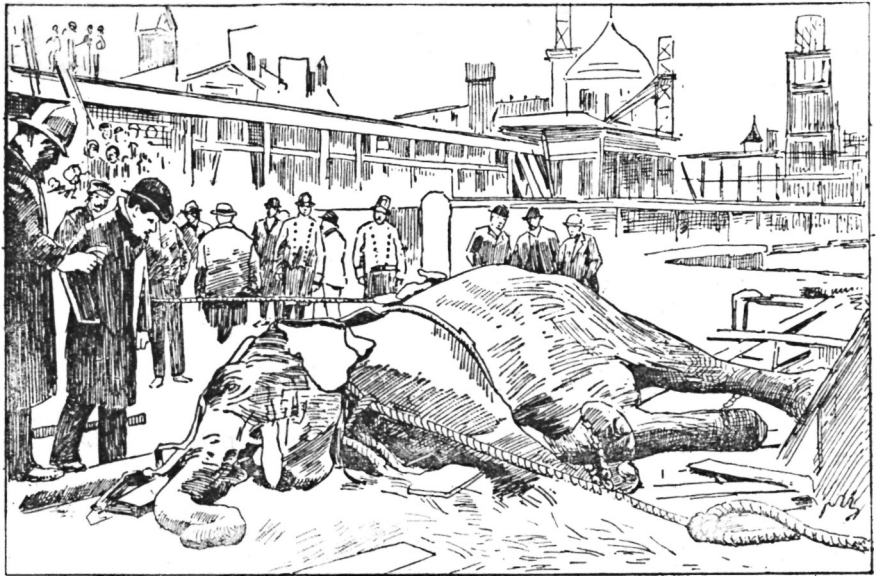
Англія, говорятъ намъ, страна свободы; каждый можетъ поступать, какъ хочетъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ въ столкновение съ уголовнымъ закономъ. Но въ дѣйствительности, это далеко не

такъ: и англичанину приходится слишкомъ часто считаться съ требованіями общественнаго мнѣнія, обычая, порою нелѣпнаго, но за то древняго, и т. п. Законы неписаныхъ, пожалуй, больше, чѣмъ писаныхъ.

Имѣютъ ли право свободный гражданинъ носить шляпу по своему усмотрѣнію? Нѣтъ, не всякому гражданину дозволено такое право. Напримѣръ, кучера лондонскихъ омнибусовъ: до перваго мая они не осмѣлятся смѣнить тяжелаго цилиндра на болѣе легкой головной уборъ, хотя бы погода стояла теплая, жаркая!.. Напротивъ, по установившемуся на лондонской биржѣ обычаю, позже 30 сентября никто не рѣшится войти въ зданіе биржи въ свѣтлой шляпѣ. И если какой-нибудь развѣянный маклеръ нарушитъ это правило, нѣтъ ему спасенія отъ шутокъ и насмѣшекъ, что посыпятся на него со всѣхъ сторонъ. Съ бѣднѣи тотчасъ сойдутъ шляпу и начнутъ ее перебарсы-

единственный сыръ, у него двѣ сестры. Черногорскаго князя небо наградило шестью дочерьми и тремя сыновьями; королевѣ нидерландской, румынскому королю и сербскому оно вовсе отказало въ этой милости. Есть семьи монарховъ, въ которыхъ число принцевъ превосходитъ число принцессъ; такъ, у короля шведскаго четыре сына, а дочерей нѣтъ; германская императрица родила мужу шесть сыновей и одну дочь, греческая — пять сыновей и также одну дочь. Наилучшая пропорція установилась въ семьѣ датскаго короля: у него три дочери, вдовствующая Императрица Марія Теодоровна, супруга Эдуарда VII и герцогиня Кумберландская, и трое сыновей: настѣнный принцъ Христианъ, король греческій и принцъ Вольдемаръ

Кончина Топси.

вать изъ угла въ уголь, пока она не образуется въ блинъ

Уважающій себя банковый служащій не одѣнетъ никакой шляпы, кромѣ цилиндра. Иныя фирмы въ Сити запрещаютъ своимъ клеркамъ носить цвѣтныя галстуки и запускать бороду или усы.

Барышнямъ — телеграфисткамъ разрешено одѣваться лишь въ два цвѣта: черный и бѣлый, или, въ крайнемъ случаѣ, въ свѣтло-синій. Въ ресторанахъ прислуга обязана придерживаться не только формы одежды, но и установленнаго хозяйномъ образца прически! Замѣтимъ мимоходомъ, что служащія въ ресторанахъ не имѣютъ права носить платья съ карманами! Мотивы такого запрещенія понятны. Но болѣе того: изъ обихода изгнаны широкіе кожаные пояса и мода на подвороченныя брюки: искуснику много ли надо, чтобы скрыть нѣсколько монетъ!..

Во многихъ театрахъ капельдинерамъ воспрещено носить перстни, такъ какъ бывало не мало случаевъ тяжкаго избіенія посѣтителей театровъ, и дирекціи приходилось потомъ возмущать убытки здоровья, причиненныя неумѣстнымъ рвеніемъ своихъ служащихъ.

Лондонъ,

конецъ января 1903 г.

МАЛЕНЬКАЯ СТАТИСТИКА.

По поводу рожденія второй дочери у итальянскаго короля не лишена интереса слѣдующая статистика: у австрійскаго императора — двѣ дочери; у бельгійскаго — три; у англійскаго — три дочери и одинъ сынъ, принцъ Уэльскій; принцъ Уэльскій, напротивъ, имѣетъ трехъ сыновей и одну дочь; испанскій король —

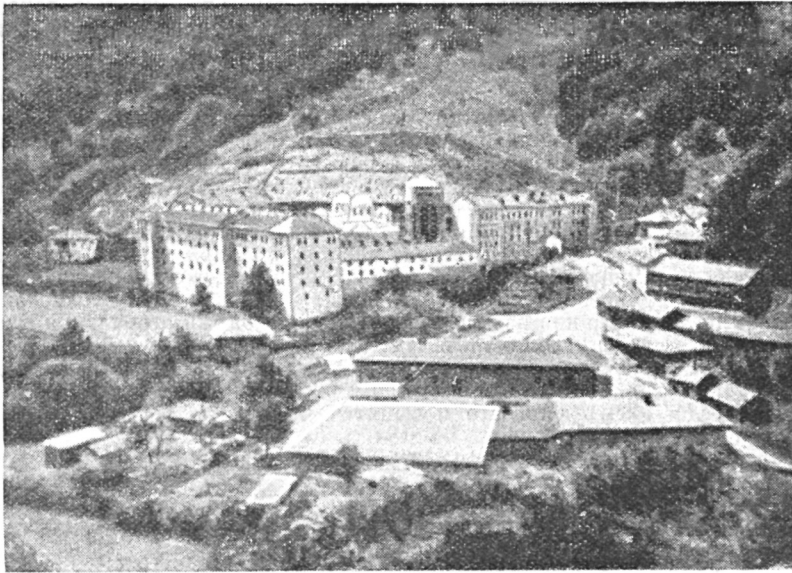
Въ окрестностяхъ Нью-Йорка недавно казненъ закоренѣлый преступникъ, обвиненный въ троекратномъ убійствѣ. При его казни присутствовало свыше шести сотъ людей: — тамъ были журналисты, врачи, фотографы и масса любопытныхъ. Убійца — слонъ по имени Топси. Съ раннихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ преступныя наклонности и способность впадать въ ярость. Въ 1900 году онъ убилъ одного изъ сторожей зоологическаго сада; черезъ годъ — еще одного. Вскорѣ послѣ этого преступленія Топси покусался на жизнь человѣка, который шутя — приподнесъ ему горящую сигару. Все это было ему прощено. Но вотъ съ мѣсяцъ назадъ неисправимый преступникъ задумалъ лишить жизни ненавистнаго сторожа. Дальше нельзя было терпѣть подобныхъ безчинствъ. Топси приговорили къ смерти. Противъ повѣченія, однако, возстало общество покровительства животнымъ и потому прибѣгнули къ электричеству. Шесть тысячъ шесть сотъ вольтъ проникло въ тѣло слона по проводамъ, проложеннымъ изъ городской электрической станціи къ мѣсту казни: проволоки были подведены подъ ступни связаннаго и скованнаго великана. Онъ выгнулъ хребетъ, выкатилъ глаза.. и судорожно сомкнулъ ротъ. Каждый мускулъ этого огромнаго тѣла задрожалъ и напрягся. Еще мгновеніе — разомкнутъ токъ, и великанъ рухнулъ на землю... Топси палъ жертвой правосудія.

КТО ДѢЛАЕТСЯ БРОДЯГОЙ?

Число нищихъ и бездомныхъ очень велико въ каждой европейской столицѣ. Изъ этой массы обездоленныхъ людей характерно выделяются неисправимые,

такъ сказать, бродяги. По наблюдениямъ социологовъ, не больше 15 проц. среди нихъ отличаются нормально-душевнымъ состояниемъ. Либо тѣлесныя заболѣванія, либо условія общественной жизни были причиной того, что эти-то 15 проц. пополнили контингентъ бродягъ. Въ последнее время гейдельбергскій ученый Вильманъ опубликовалъ результаты своихъ наблюдений надъ психикой бродягъ. Прежде всего обращаетъ внимание то обстоятельство, что, въ противоположность привычнымъ преступникамъ, бродяга характеризуется пассивностью воли и ослабленіемъ разумной дѣятельности. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ эти отличительные

признаки выражены не такъ сильно, на первый планъ выступаютъ инстинкты преступности. Значительный процентъ приходится на алкоголиковъ; обыкновенно пьяница начинаетъ бродяжничать на четвертомъ-пятомъ десяткѣ лѣтъ. Этому предшествуетъ пониженіе его работоспособности и одновременное усиленіе безволия и интеллектуальной немощи. Блѣднѣе проявляется влеченіе къ определенному труду; зависть и страсть къ насилию, напротивъ, все громче говорятъ въ сердцѣ человека, уже давно тяготившагося узами семьи и ослѣдствіи. Алкоголикъ сначала унижается до нищенства, гонимъ до бродяжества. Такова же участь слабоумныхъ и эпилептиковъ: первые впадаютъ въ бродяжество въ раннемъ возрастѣ, вторые поопыняютъ его кадры подъ влияніемъ необъяснимаго и неподдаемаго внутренняго импульса, толкающаго его на большую дорогу. Они уходятъ безъ копѣйки, безъ паспорта, и странствуютъ по всему свѣту. Одинъ изъ

Къ событіямъ въ Македоніи. — Рыльскій монастырь въ Болгаріи.

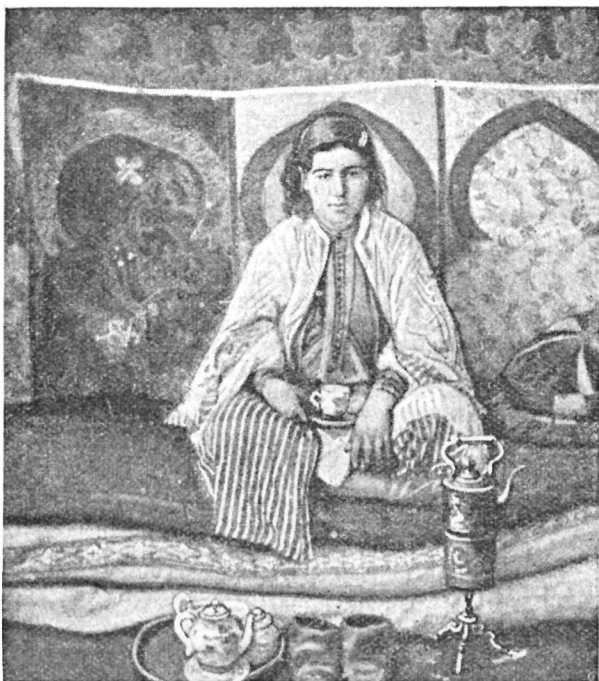
такихъ несчастныхъ прошелъ по всей Испаніи, Франціи, Австріи до Константинополя; онъ руководился единственно личной телеграфныхъ столбовъ и чутьемъ, вообще очень развитымъ у бродячаго народа.

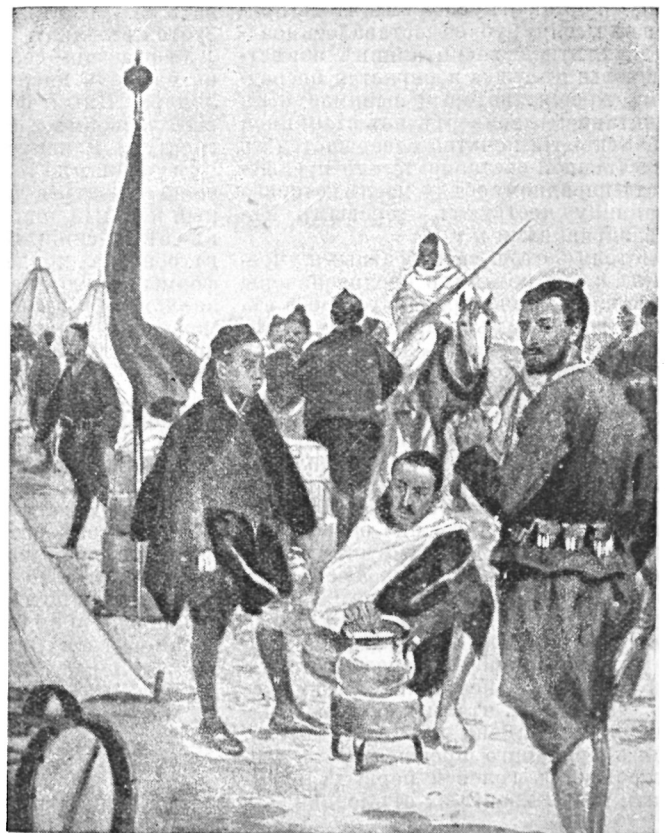
ПАРИЖАНЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ.

Съ удивительной энергіей и подъемомъ духа пришли французы или точнее—парижане—на помощь бѣдствующимъ бретонскимъ рыбакамъ. Парижъ еще разъ доказалъ, какъ быстро умѣетъ онъ организовать грандіозныя благотворительныя предіриятія, и какъ велики средства, которыми онъ можетъ свободно располагать въ подобныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Публика

не выжидала даже газетныхъ воззваній и сама первая несла свою щедрую ленту. Конторы газетъ и журналовъ были завалены денежными посылками; но кромѣ денегъ, со всѣхъ сторонъ присылали платье, обувь, пищевые продукты. Публика торопилась прессу открыть подписку. И въ теченіе двухъ недѣль подписка дала болѣе милліона наличныхъ денегъ. „Gaulois“ собралъ 125.000 тысячъ рублей, „Figaro“ пятьдесятъ, „Matin“, двадцать пять, „Temps“ пятнадцать. Всѣхъ не перечислить. Въ Лионскій Кредитъ было внесено до двухсотъ пятидесяти тысячъ. Палата депутатовъ ассигновала двѣсти тысячъ рублей. Корреспонденты газетъ, посланные редакціями въ Бретань, немедленно приступили къ раздачѣ пищи. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, рыбаки уже обеспечены въ отношеніи продовольствія на всю зиму. Хлѣба, мяса, овощей, топлива, теплаго платья, новыхъ сѣтей—всего, всего получили они вдоволь по милости щедрыхъ парижанъ. Зима уже не страшна имъ. И заранѣе принимаются мѣры, чтобы бѣдствие не повторилось въ будущемъ году. Въ этомъ сплоченіи имущихъ и немущихъ въ годину несчастья есть по истинѣ трогательное и величественное проявленіе нравственной силы французской націи.

Марокканка въ домашнемъ нарядѣ.

Къ событіямъ въ Марокко.—Сцены лагерной жизни. Съ моментальнаго снимка Р. Цабеля, автотипія „Виржевыхъ Вѣдомостей“.